

НИЯ ЛАДИ

ИЗМЕНА
НОВАЯ ЖИЗНЬ

Ния Лади

Измена. Новая жизнь

<https://litres.ru/74192658>

SelfPub; 2026

Аннотация

– Какая разница, сколько ей лет? – горько говорю я, – Она не я. И этого достаточно, чтобы ты променял двадцать лет брака на мимолетную интрижку.

– Это не интрижка, – тихо говорит Андрей.

Я замираю. Смотрю на него, на его лицо, на глаза, в которых читается что-то, чего я боюсь больше, чем измены.

– Что значит «не интрижка»? – переспрашиваю я.

– У нас с Леной ребенок, – выдыхает он.

– Что? – переспрашиваю я.

– Ребенок. Сын. Ему четыре месяца.

Содержание

Глава 2	11
Глава 3	19
Глава 4	26
Глава 5	35
Глава 6	44
Глава 7	51
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Ния Лади

Измена. Новая жизнь

Ния Лади

Измена. Новая Жизнь

– Какая разница, сколько ей лет? – горько говорю я, – Она не я. И этого достаточно, чтобы ты променял двадцать лет брака на мимолетную интрижку.

– Это не интрижка, – тихо говорит Андрей.

Я замираю. Смотрю на него, на его лицо, на глаза, в которых читается что-то, чего я боюсь больше, чем измены.

– Что значит «не интрижка»? – переспрашиваю я.

– У нас с Леной ребенок, – выдыхает он.

– Что? – переспрашиваю я.

– Ребенок. Сын. Ему четыре месяца.

Глава 1

– Андрей, завтрак готов, – зову я, вытирая руки о фартук.

Ответа нет. Я прохожу в гостиную. Андрей сидит в кресле, уткнувшись в телефон. Большой, еще крепкий мужчина с залысинами на лбу, которые он тщательно маскирует, зачесывая волосы назад. Сорок пять лет смотрят на него из зеркала строгим взглядом, но сегодня он выглядит почти мальчишкой – сосредоточенный, с легкой улыбкой на губах, лишается что-то на экране.

– Я сказала – завтрак, – повторяю громче.

Андрей вздрагивает. Телефон в его руке дергается, экран гаснет – быстрый, привычный жест, от которого у меня кольнуло под ребрами.

– Иду, иду, – Андрей поднимается, потягивается, хрустит позвоночником. – Ты сегодня рано.

– Мне в салон в одиннадцать. Ольга записала на стрижку, – отвечаю я.

Мы проходим на кухню. Я раскладываю яичницу по тарелкам, наливаю кофе. Андрей садится напротив, но телефон кладет рядом с тарелкой экраном вниз. Это тоже кажется новым, раньше он оставлял его в кармане куртки или на тумбочке в прихожей.

– Как спалось? – спрашиваю я, садясь напротив.

– Нормально, – Андрей отхлебывает кофе, морщится. – Ты сахар забыла?

– Ты перестал класть сахар две недели назад. Сказал, что врач велел, – напоминаю ему.

– А, точно.

Он берет телефон, быстрый взгляд на экран, убирает обратно. Я замечаю, как его пальцы дрожат. Мелкая дрожь, которую посторонний не заметил бы. Я замечаю все. Это умение выработалось за двадцать лет брака, когда нужно угадать настроение мужа до того, как он заговорит, чтобы не нарваться на грубость или, наоборот, не пропустить момент, когда ему нужна поддержка.

– Ты вчера поздно вернулся, – говорю я, разрезая помидор

на тарелке.

– Совещание затянулось, – пожимает муж плечами. – Новый проект, сама знаешь.

– Я звонила в девять, – делаю глоток кофе. – Трубку не взял.

Андрей поднимает глаза. В их серо-зеленой глубине мелькает раздражение, которое он тут же прячет за улыбкой.

– Батарея села. Потом заметил, уже за рулем был.

Я киваю. Хочу спросить еще что-то, но не спрашиваю. За двадцать лет я усвоила: если муж не хочет говорить правду, вытягивать ее клещами бесполезно. Правда всплывет сама, рано или поздно. Так всегда работало.

Я поднимаюсь, убираю свою тарелку в раковину.

– Я в душ, – говорю я.

– Алла, – Андрей окликает меня, когда я уже берусь за ручку двери. – Ты сегодня красивая.

Я оборачиваюсь. Compliments от Андрея последние пару лет случаются редко, и каждый раз звучат неловко, как будто он читает чужую шпаргалку.

– Спасибо, – отвечаю я.

В душе стою под горячей водой дольше обычного. Смотрю на свои руки – ухоженные, с аккуратным маникюром, но уже не молодые. Кожа на локтях сухая, на шее обозначились тонкие поперечные линии. Сорок лет. Я помню себя в тридцать. Тогда казалось, что сорок – это конец. Сейчас концом не кажется. Кажется странным затишьем.

Дети выросли. Сын, Кирилл, уехал в Питер в прошлом году, поступил в Политех. Дочь, Света, вышла замуж и переехала в Новосибирск к мужу-военному. Дом опустел. Я вдруг обнаруживаю, что не знаю, чем заполнить время, которое раньше уходило на уроки, кружки, контрольные, разговоры по душам, сборы в лагерь.

Я пробовала вернуться к рисованию. В юности я неплохо писала акварелью. Купила краски, холсты, поставила мольберт в бывшей комнате Кирилла. Простоял он там два месяца. Я нарисовала три работы – натюрморт с яблоками, вид из окна на соседский дом, портрет Светы по фотографии. Получилось неплохо, но ощущение, что играю в художницу, не проходит.

Потом записалась в спортзал. Ходила месяц, пока Андрей не сказал за ужином: «Тебе это зачем? У тебя и так фигура хорошая». Я не поняла – комплимент это или упрек, но ходить перестала.

Теперь у меня остались салоны красоты, обеды с подругой Ольгой раз в неделю и это странное чувство, что я живу в чужом доме и играю чужую роль.

Я выключаю воду, закутываюсь в махровый халат. Из кухни доносится голос Андрея – он с кем-то говорит по телефону. Я невольно прислушиваюсь. Голос у мужа мягкий, почти вкрадчивый. Так он разговаривает с важными клиентами или со мной в первые годы брака.

– Да, я понимаю... Нет, сегодня не получится... Вечером

позвоню, хорошо?

Я замираю у двери в спальню. Андрей говорит тихо, но в утренней тишине дома каждое слово отдается эхом.

– Ты тоже скучаешь? – слышу я и чувствую, как пол уходит из-под ног.

Я отступаю на шаг, потом на второй. Захлопываю дверь спальни громче, чем нужно, прохожу к туалетному столику, сажусь. Руки дрожат, когда беру расческу.

«Это не то, что ты подумала», – говорит внутренний голос. – «Может, он с дочерью разговаривал. Или с матерью».

Я смотрю на телефон, лежащий на столике. Один звонок Свете и все прояснится. Но я не звоню. Боюсь услышать подтверждение. Или, что страшнее, опровержение, после которого паранойя сожрет меня заживо.

Андрей стучит в дверь через минуту.

– Алл, я на работу. Сегодня поздно буду, не жди.

Я выхожу в коридор. Андрей уже надевает пальто, поправляет воротник перед зеркалом.

– С кем ты разговаривал? – спрашиваю я.

Андрей замирает на секунду, потом поворачивается ко мне с легкой улыбкой.

– С Павловым по работе. Проект горит, как обычно.

– Я слышала, ты сказал «скучаешь».

Андрей морщится, проводит рукой по лицу.

– Ты не так поняла. Павлов жену свою вспоминал, они в командировках постоянно. Я ему сказал, что сам скучаю по

нормальному графику. Шутка такая.

Я киваю. Шутка. Конечно.

– Ладно, – говорю я. – Вечером созвонимся?

– Обязательно, – Андрей чмокает меня в щеку, от него пахнет дорогим одеколоном и утренней свежестью. – Ты главное не переживай. Все хорошо.

Дверь за ним закрывается. Я остаюсь стоять в коридоре, глядя на закрытую дверь.

«Все хорошо», – повторяю про себя. – «Все хорошо».

Я прохожу на кухню, убираю посуду, протираю столешницы. Потом открываю холодильник – ничего не хочется. Закрываю.

Взгляд падает на коробку с тортом, которую я купила вчера. У Светы сегодня день рождения. Двадцать три года. Я собиралась позвонить дочери после салона, спеть в трубку, послушать, как она рассказывает про свою жизнь в Новосибирске, про мужа Дениса, про их новую квартиру.

Я достаю телефон, открываю переписку со Светой. Последнее сообщение от дочери пришло три дня назад: короткое «мам, все нормально, просто занята». Я пишу: «С днем рождения, моя родная. Как ты?». Ответ приходит через минуту: «Спасибо. Норм. Мам, я потом позвоню, ладно?»

Я ставлю телефон на стол. «Норм». Это слово, короткое, как удар хлыста, означает, что у дочери что-то случилось. Но спрашивать я не стану. Знаю, Света не любит, когда мать лезет в ее жизнь с расспросами.

Я наливаю себе воды, выпиваю, смотрю в окно. За окном медленно тает мартовский снег. С крыши соседнего дома капает вода, на дорожках чернеет грязь. Я беру сумку, ключи от машины. Решаю ехать в салон пораньше, не сидеть в этом доме, где каждая стена напоминает, что я здесь лишняя.

В прихожей останавливаюсь перед зеркалом. Каштановые волосы уложены, макияж свежий, платье сидит идеально. Сорок три года. Не старость. Не приговор. Просто возраст, в котором я вдруг перестала понимать, зачем просыпаюсь по утрам.

Я открываю дверь, шагаю на крыльцо, и в этот момент телефон вибрирует. Смотрю на экран – Андрей. Пишет: «Купи сегодня что-нибудь вкусное к ужину. Я постараюсь приехать пораньше».

Я отвечаю: «Хорошо».

Слова «все хорошо» я произношу так часто, что они потеряли смысл.

Глава 2

Салон красоты «Лунный свет» располагается в двух кварталах от дома. Я доезжаю за пять минут, паркуюсь у обочины, захожу внутрь. Просторный холл пахнет дорогими маслами и цветами. На ресепшене сидит Леночка – молодая девушка с идеальной укладкой и неестественно белыми зубами.

– Алла Викторовна, здравствуйте! Ольга Сергеевна уже ждет, проходите, – приветливо улыбается Леночка.

Я киваю, прохожу вглубь салона. Ольга, мой мастер и единственная подруга, с которой мы дружим еще с института, стоит у своего рабочего места, раскладывает инструменты.

– Привет, подруга, – Ольга поднимает голову. – Ты рано.

– Делать нечего, – я сажусь в кресло, скидываю сумку на пол.

Ольга внимательно смотрит на меня. Высокая, полноватая, с короткой стрижкой и цепким взглядом женщины, которая привыкла видеть людей насквозь.

– Что-то случилось? – спрашивает Ольга, накидывая на мои плечи пелерину.

– Все нормально.

– Алл, я тебя двадцать лет знаю. Твое «все нормально» значит, что случилось что-то, о чем ты молчишь.

Я молчу. Ольга включает фен, начинает сушить волосы, и шум на время прерывает разговор. Я смотрю в зеркало на свое отражение. Ольга работает быстро, уверенно, иногда поправляет пряди, прикидывает длину.

– Стрижку оставляем? – спрашивает она, выключив фен.

– Да. Только кончики освежи.

Ольга берет ножницы, щелкает ими в воздухе.

– С Андреем поругались?

– Нет, – я делаю паузу. – Он странный в последнее время.

– В каком смысле?

– Отдалился. Телефон прячет. Командировки какие-то внезапные.

Ольга откладывает ножницы, смотрит на меня в зеркало.

– Ты думаешь, у него кто-то есть?

Я дергаю плечом.

– Не знаю. Может, мне кажется.

– Может, и кажется, – Ольга возвращается к стрижке. – Мужики после сорока часто вытворяют странные вещи. Кризис среднего возраста. Андрей не дурак, одумается.

– Светка в Новосибирске молчит, – перевожу тему я. – На сообщения отвечает односложно. Я волнуюсь.

– Светка взрослая девочка. Сама разберется.

– Она моя дочь.

– И у нее своя жизнь, – Ольга делает паузу, отступает на шаг, оценивая результат. – Ты слишком много думаешь о других, Алл. О муже, о детях. А о себе подумать?

– А о ком я еще должна думать?

– Живи для себя. Сходи куда-нибудь. Заведи хобби. Вон, рисованием занималась, бросила. В спортзал ходила, бросила.

– Андрей сказал, не надо.

– Андрей сказал, – передразнивает Ольга. – Алл, ты не собачка, чтобы слушать, что тебе «надо», а что «не надо». Ты женщина в самом соку. Посмотри на себя.

Ольга разворачивает кресло так, чтобы я увидела себя в зеркале во весь рост. Каштановые волосы блестят после сушки, лицо свежее, фигура подтянутая. Я вдруг вижу себя со стороны – не жену, не мать, а просто женщину. Ту, которую я почти забыла.

– Красивая, – говорит Ольга. – А ведешь себя как старуха.

– Спасибо, подруга, – усмехаюсь я. – Приободрила.

– Я серьезно. Муж изменяет или не изменяет – это его выбор. Твой выбор – как на это реагировать. Сидеть и плакать не вариант.

Я вздыхаю, провожу рукой по свежестриженным волосам.

– Ты права.

– Я всегда права, – Ольга снимает с меня пелерину, стряхивает волосы. – Давай, собирайся. Заплатишь потом, я отмечу.

Я поднимаюсь, надеваю пальто. У выхода оборачиваюсь.

– Оль, ты когда-нибудь думала, что жизнь могла сложить-

ся иначе?

Ольга молчит, потом улыбается, но улыбка выходит грустной.

– Каждый день думаю. Но назад не отмотаешь. Живем дальше.

Мы обнимаемся на прощание. Я выхожу на улицу, сажусь в машину, завожу мотор. До вечера остается еще много времени, а возвращаться в пустой дом не хочется. Я еду в торговый центр. Решаю купить что-нибудь к ужину, как просил Андрей, и заодно посмотреть вещи. Может, Ольга права – пора начать жить для себя.

Торговый центр встречает меня шумом и суетой. Я прохожу на первый этаж, где располагается продуктовый супермаркет, беру корзину, начинаю бродить между рядами. Купить рыбу или мясо? Андрей любит рыбу, но в последнее время жалуется на изжогу. Мясо я готовлю хорошо, но это скучно. Беру филе семги, зелень, лимон. Решаю сделать что-то новое – запечь рыбу в сливочном соусе. Андрей любит, когда я экспериментирую на кухне.

В отделе с напитками задерживаюсь дольше. Выбираю бутылку красного, которую мы пили в прошлый Новый год. Хорошее, дорогое. Я кладу бутылку в корзину.

Когда уже направляюсь к кассе, телефон вибрирует. Сообщение от Андрея: «Меня задержат на работе. Ужинай без меня. Не жди». Я останавливаюсь посреди прохода, глядя на экран. Руки сжимаются на корзине так сильно, что белеют

косяшки. Хочу написать что-то резкое, спросить, где он на самом деле, потребовать объяснений. Но вместо этого набираю: «Хорошо». Ставлю бутылку обратно на полку. Рыбу и зелень тоже. Выйдя из супермаркета, сажусь в машину и просто сижу, глядя через лобовое стекло на поток машин.

«Не жди», – крутится в голове.

Я сижу в машине и смотрю, как люди заходят в торговый центр. Семейные пары с тележками, мамочки с колясками, девушки, которые смеются и поправляют волосы перед входом. У всех есть куда идти и кого ждать. У меня – пустой дом и муж, который просит меня не ждать.

Руль под ладонями нагрелся от солнца. Мартовское солнце обманчивое – светит ярко, но тепла почти нет. Как эти слова Андрея: «Ты сегодня красивая». Светят, но не греют.

Я достаю телефон, открываю переписку со Светой. Ее сообщение висит вверху: «Мам, я потом позвоню, ладно?» Я пишу: «Свет, что случилось? Я чувствую, что ты не в порядке. Ответь мне честно». Отправляю. Смотрю на экран. Ничего. Света не отвечает.

Я листаю дальше, дохожу до переписки с Андреем. Вчерашнее: «Я задержусь, не волнуйся». Позавчерашнее: «Ужинай без меня, важные переговоры». И сегодняшнее: «Купи что-нибудь вкусное к ужину. Я постараюсь приехать пораньше». А следом – «Меня задержат. Не жди».

За двадцать с лишним лет я научилась расшифровывать эти сообщения. «Я постараюсь приехать пораньше» значит

«я, может, и приеду, но скорее всего нет». «Не жди» значит «не рассчитывай на меня». А «не волнуйся» всегда значило «волнуйся, но я не хочу с этим возиться».

Я откладываю телефон, завожу двигатель. Не сидеть же здесь до вечера. Еду домой. Дорога занимает десять минут. Я паркуюсь на привычном месте, захожу в дом. Тишина встречает меня у порога, набрасывается на плечи, как тяжелая шуба. Я включаю свет в прихожей, на кухне, в гостиной. Становится светлее, но не теплее.

Прохожу на кухню, открываю холодильник. Достая помидоры, огурцы, сыр. Режу салат, делаю себе бутерброд. Ем стоя у столешницы, потому что садиться за обеденный стол на двоих, когда ты одна, слишком грустно.

Телефон вибрирует. Я бросаю взгляд – Света. Сердце ускоряет ритм. Беру трубку.

– Мам, – голос у дочери глухой, будто она говорит из пустой комнаты.

– Света, с тобой все в порядке?

– Да. Нет. Не знаю.

– Что случилось?

Молчание. Я слышу ее дыхание, прерывистое, сбивчивое. Она сейчас заплачет. Я узнаю это дыхание из тысяч других. Оно такое же, как в детстве, когда дочь разбивала коленку или теряла любимую игрушку.

– Мам, я, наверное, уйду от Дениса, – выдыхает Света.

У меня внутри все обрывается. Я ставлю тарелку на стол,

сажусь на стул.

– Что значит «ухожу»? Вы поссорились?

– Мы не просто поссорились. Мам, он... – Света замолкает, сглатывает. – У него кто-то есть. Я узнала две недели назад. Он даже не отрицает. Говорит, что я сама виновата, что много работаю, что не уделяю ему внимания.

Я закрываю глаза. Измена. Снова измена. Не у меня, у дочери. Господи, как же это больно – слышать в голосе собственного ребенка ту же боль, которую я прячу в себе каждый день.

– Света, ты где сейчас?

– Дома. Он уехал к родителям. Сказал, что нам нужно остыть.

– Ты ела сегодня?

– Мам, какая еда...

– Ты ела? – повторяю я жестче.

– Бутерброд съела утром.

– Сейчас сходи на кухню, разогрей суп. Или закажи доставку. Я переведу деньги.

– Не надо, у меня есть.

– Света, послушай меня. Я приеду. Завтра же сяду на поезд или на самолет, узнаю билеты.

– Мам, не надо, – голос дочери ломается. – Я сама справлюсь. Я просто хотела тебе сказать. Чтобы ты знала.

– Я не могу сидеть здесь, когда у тебя...

– Мам, – перебивает Света. – Ты всегда хочешь все ре-

шить за меня. Но я взрослая. Это моя жизнь. И мой муж. Я сама разберусь, хорошо? Просто... будь рядом. На расстоянии.

Я молчу. Хочу возразить, сказать, что материнское сердце не работает на расстоянии, что я должна быть там, рядом, обнять ее, погладить по голове, как в детстве. Но Света права. Она всегда была права в таких вещах. Самостоятельная, упрямая, вся в меня.

– Хорошо, – говорю я. – Я рядом. Звони в любое время. Днем и ночью. Я всегда возьму трубку, ты слышишь?

– Слышу, – Света всхлипывает. – Мам, а у вас с папой как? Я замираю. Сказать правду? Сейчас, когда дочь и так раздавлена? Сказать, что ее отец тоже, возможно, гуляет на сторону, что я подозреваю то же самое, от чего у Светы сейчас разрывается сердце?

– У нас все нормально, – говорю я. – Папа много работает, устает.

– Мм, – Света вздыхает. – Ладно, мам. Я пойду. Закажу суп, как ты сказала.

– Обязательно закажи. И пиши мне. Не просто «норм», а подробно.

– Хорошо, мам. Я люблю тебя.

– И я тебя. Держись!

Я кладу трубку, смотрю на экран. Звонок длился семь минут. За семь минут моя дочь сообщила мне, что ее брак рушится, а я соврала ей, что мой в порядке.

Глава 3

Я сижу на кухне одна, смотрю на недоеденный бутерброд. Мысли крутятся, как белье в стиральной машине – перемешиваются, стучаются друг о друга, не находят выхода. Измена. Это слово, такое короткое, вмещает в себя столько боли. Измена пахнет чужим парфюмом на воротнике рубашки, необъяснимыми командировками и телефоном, который лежит экраном вниз.

Я встаю, убираю тарелку в раковину. Иду в спальню, открываю шкаф. Руки сами тянутся к пиджакам Андрея, которые висят ровным рядом, отутюженные, приготовленные мной же. Я вдыхаю запах ткани. Его запах – табак, легкий одеколон, что-то мужское, родное. Чужого запаха нет. Я проверяю карманы. В одном пустая упаковка леденцов, в другом чек из АЗС, в третьем маленькая резинка для волос.

Резинка для волос. Обычная черная резинка, каких у меня сотни в ящике туалетного столика. Я сжимаю ее в кулаке, чувствую, как пластик впивается в ладонь. В голове проносятся картины: чьи-то волосы, которые Андрей распускает перед сном, чьи-то пальцы, снимающие эту резинку на заднем сиденье машины, чей-то смех, который он слушает с такой же улыбкой, как сегодня утром за завтраком.

Я могла бы найти тысячу объяснений. Резинка могла прилипнуть к его одежде в спортзале. Могла остаться от Светы,

когда она приезжала в прошлый раз. Могла быть моей, закатившейся куда-то и случайно попавшей в карман. Но я не ищу объяснений. Я просто стою у открытого шкафа, сжимаю в руке чужую резинку и чувствую, как внутри меня что-то медленно умирает. Кладу резинку обратно в карман. Вешаю пиджак на место. Закрываю шкаф.

Прохожу в ванную, смотрю на себя в зеркало. Каштановые волосы лежат идеально, макияж свежий, лицо спокойное. Никто не скажет, глядя на меня, что я только что держала в руках доказательство чужой жизни, впущенной в наш дом.

Беру телефон, пишу Ольге: «Ты была права. Кажется, у него действительно кто-то есть».

Ольга отвечает через минуту: «Ты точно знаешь или кажется?»

«Нашла в кармане женскую резинку. Не мою».

«Это не доказательство. Могло прилипнуть где угодно».

«Оль, я чувствую. И не только это. Он изменился, отдалился, говорит со мной как с посторонней».

Ольга долго молчит. Потом приходит длинное сообщение: «Алл, не делай поспешных выводов. Если хочешь знать правду – спроси у него прямо. Без скандала. Просто поставь перед фактом. Но будь готова услышать то, что не понравится. Ты готова?»

Я смотрю на экран. Готова ли я? К правде, которая раздавит меня? К тому, что двадцать с лишним лет брака, дом,

дети, общая жизнь – все это не удержало его от того, чтобы искать кого-то на стороне?

«Не знаю», – пишу я Ольге.

«Тогда не торопись. Понаблюдай. Собери доказательства, если они есть. И только потом принимай решение».

Я откладываю телефон. Прохожу в гостиную, сажусь на диван. Включаю телевизор, чтобы заглушить тишину. По телевизору показывают ток-шоу – женщины кричат друг на друга, мужчины оправдываются, ведущий ухмыляется. Я смотрю и не вижу. Мысли далеко. Я думаю о Свете. О том, как она сейчас сидит одна в своей новосибирской квартире и заказывает суп, потому что мать сказала. О том, как ее муж, который казался таким надежным, таким правильным, оказался таким же, как все.

Я думаю об Андрее. О том, как мы познакомились – он пришел в компанию, где я работала секретарем. Я носила каштановые волосы распущенными, красила губы яркой помадой, смеялась громко и часто. Он сказал тогда: «Вы самая красивая девушка в этом офисе». Через год мы поженились. Потом родилась Света. Я уволилась, стала домохозяйкой. Потом родился Кирилл. Я стала мамой. Потом дети выросли. Я стала... никем.

Телевизор показывает рекламу. Я выключаю его. Тишина возвращается, и вместе с ней ощущение, что я живу не свою жизнь.

В дверь звонят. Я вздрагиваю, иду в прихожую, смотрю

в глазок. На крыльце стоит Андрей. Я открываю дверь. Он выглядит уставшим, под глазами тени, пальто расстегнуто.

– Ты рано, – говорю я.

– Освободился пораньше, – Андрей проходит в коридор, снимает пальто. – Решил, что не буду задерживаться.

Он заходит на кухню, открывает холодильник.

– А где ужин? Ты говорила, купишь что-то вкусное.

Я смотрю на его спину. На плечи, которые я обнимала тысячи раз. На руки, которые, возможно, обнимали кого-то другого.

– Передумала, – говорю я. – Решила, что не буду готовить.

Андрей оборачивается. Смотрит на меня удивленно.

– Что-то случилось?

Я смотрю ему в глаза. Серо-зеленые, знакомые до последней морщинки. В них нет вины. Нет страха. Только усталость и легкое недоумение. Я могла бы спросить. Прямо сейчас, глядя ему в глаза, спросить: «У тебя кто-то есть?» Могла бы достать ту резинку из кармана и бросить ему в лицо. Могла бы рассказать про Свету, про ее боль, про то, как измена отца отражается на дочери, даже если дочь об этом не знает. Но я не спрашиваю.

– Все нормально, – говорю я. – Просто устала. Давай закажем пиццу.

Андрей кивает, достает телефон.

– Хорошо. Закажу твою любимую, с морепродуктами.

Я сажусь за стол. Смотрю, как Андрей заказывает пиццу,

говорит с оператором спокойным, ровным голосом. Домашний, привычный, свой. Я думаю о том, что Ольга права, нужно знать правду, прежде чем принимать решение. И я узнаю, но не сегодня. Сегодня у меня уже нет сил.

Телефон на столе вибрирует. Света пишет: «Заказала суп. Ем. Спасибо, мам».

Я улыбаюсь, пишу в ответ: «Молодец. Завтра позвоню».

Андрей заканчивает разговор, садится напротив.

– Все хорошо? – спрашивает он, кивая на телефон.

– Да, – говорю я. – Света просто писала.

– Как она?

– Нормально.

Слово «нормально» срывается с губ легко. Слишком легко. Мы сидим друг напротив друга, и между нами больше двадцати лет, общие дети, общий дом, и огромная пустота, которую я только начала замечать.

Пиццу привезут через сорок минут. Я встаю, иду накрывать на стол. Достаю тарелки, ножи, салфетки. Действия привычные, отработанные до автоматизма. И вдруг я понимаю: я делаю это уже много лет. Накрываю на стол, убираю со стола, стираю, глажу, жду. Жду, когда муж вернется с работы. Жду, когда дети позвонят. Жду, когда начнется моя настоящая жизнь. Но настоящая жизнь уже идет. Прямо сейчас. И я не знаю, как ее прожить. Я ставлю тарелки на стол, сажусь напротив Андрея. Он смотрит в телефон, листает новости. Я смотрю на него.

– Андрей, – говорю я.

Он поднимает голову.

– Мм?

– Ты меня любишь?

Андрей замирает. В его глазах мелькает что-то – растерянность, удивление, может быть, страх.

– С чего такой вопрос? – он откладывает телефон.

– Просто спросила. Давно не спрашивала.

Он тянется через стол, берет мою руку. Ладонь теплая, сухая, знакомая.

– Конечно, люблю, – говорит он. – Ты что, сомневаешься?

Я смотрю на его руку, на наши переплетенные пальцы. Хочу сказать: «Да, сомневаюсь. Каждый день. Каждую минуту». Но вместо этого улыбаюсь.

– Нет, – говорю я. – Не сомневаюсь.

Он улыбается в ответ, и на секунду мне кажется, что все в порядке. Что резинка в кармане – случайность, что командировки – работа, что телефон экраном вниз – просто привычка.

Пицца приезжает через сорок минут. Мы едим, разговариваем о пустяках – о погоде, о ремонте в ванной, о том, что Кириллу пора переводить деньги на съемную квартиру. Все как всегда. Но когда Андрей уходит в душ, я снова открываю его пиджак, висящий в прихожей. Засовываю руку в карман. Резинка на месте. Я не вынимаю ее. Просто трогаю пальцами, убеждаюсь, что она там. Потом убираю руку, закрываю

шкаф, иду в спальню.

Ночью я лежу с открытыми глазами, слушаю дыхание Андрея. Он спит спокойно, глубоко. Я смотрю в потолок и думаю о том, что завтра у меня будет новый день. И я сделаю то, что должна. Я узнаю правду.

Глава 4

Я просыпаюсь от того, что Андрей встает с кровати. Половина седьмого утра, за окном еще серо, мартовский рассвет только намечается бледной полосой на горизонте. Я не подаю виду, что не сплю, прикрываю глаза, дышу ровно, как человек, который еще во сне. Андрей двигается по комнате бесшумно, но я слышу каждый шорох. Шаги босых ног по ковру. Скрежет молнии на спортивной сумке. Тихий скрип дверцы шкафа. Он собирается на пробежку так же, как каждое утро. Или нет? В последнее время у него появилась привычка бегать по утрам даже в выходные, даже когда на улице моросит дождь. Раньше он терпеть не мог бег. Говорил, что колени болят, что это скучно, что лучше плавание.

Я жду, когда дверь спальни закроется, открываю глаза. В комнате сумрачно, Андрей оставил шторы задернутыми. Я слышу, как он спускается по лестнице, потом хлопает входная дверь. Встаю, подхожу к окну, раздвигаю штору. Андрей выходит из дома, поправляет наушники, делает разминку, наклоны, выпады, повороты корпуса. Все правильно, все по инструкции, которую он вычитал в интернете, когда решил «привести себя в форму». Три месяца назад это случилось. Резко. Без объяснений.

Я смотрю, как он бежит по дорожке в сторону парка. Спина прямая, шаг пружинистый. Он не оборачивается. Ни ра-

зу за эти три месяца он не обернулся, не посмотрел на окна спальни, не помахал мне. Раньше, когда дети были маленькими, он всегда оборачивался. Махал рукой, посылал воздушный поцелуй, показывал, что думает о нас.

Теперь он бежит, не оборачиваясь.

Я отхожу от окна, иду в ванную. Включаю воду, смотрю на себя в зеркало. Лицо бледное, под глазами залегли тени. Я почти не спала эту ночь. Каштановые волосы растрепались, одна прядь выбилась из прически и торчит в сторону, как антенна. Я смотрю на эту прядь и думаю: после сорока лет женщины либо становятся мудрыми и спокойными, либо сходят с ума от осознания, что молодость ушла. Я пока не знаю, к какой категории отношусь.

Умываюсь холодной водой, чищу зубы, собираю волосы в высокий хвост. Сегодня я решила: я узнаю правду. Не буду сидеть в неведении, не буду гадать на кофейной гуще. Я возьму телефон Андрея и посмотрю. Это грязно? Да. Это низко? Наверное. Но жить с постоянным подозрением, которое разъедает меня изнутри, хуже, чем узнать правду, какой бы она ни оказалась.

Я спускаюсь на кухню, ставлю чайник. Пока вода греется, открываю ноутбук, проверяю почту. Ничего важного – рассылка, приглашение на книжную ярмарку, спам. Закрываю. Чайник выключается. Я завариваю себе зеленый чай с жасмином, сажусь за стол. В доме тихо. Такая тишина раньше меня пугала, я включала телевизор или музыку, чтобы запол-

нить пустоту. Сейчас я не включаю ничего. Пустота больше не пугает.

Пью чай, смотрю в окно. За стеклом медленно светает, деревья в саду проступают из темноты, покрытые остатками прошлогодней листвы и набухшими почками. Скоро весна. Я всегда любила весну – время, когда все оживает, начинает цвести, пахнуть. Сейчас мне кажется, что весна не наступит никогда. Или наступит, но я ее не замечу.

Телефон на столе вибрирует. Света. Я беру трубку.

– Мам, привет, – голос у дочери усталый, но спокойный. Она, кажется, взяла себя в руки.

– Привет, родная. Как ты?

– Нормально. Спала сегодня нормально. Денис звонил вчера вечером.

Я напрягаюсь, делаю глоток чая.

– И что сказал?

– Сказал, что хочет вернуться. Что погорячился. Что любит меня.

– А ты?

Света молчит несколько секунд.

– Я не знаю, мам. Я ему не верю. Как можно верить человеку, который врал тебе полгода?

Полгода. У Дениса кто-то есть полгода. Или был. Я закрываю глаза, чувствую, как слова дочери отзываются во мне глухой болью.

– Света, ты имеешь право не верить. Имеешь право злить-

ся. Имеешь право не прощать.

– А если я его прощу? – голос дочери становится тихим, почти шепотом. – Если я скажу «возвращайся», а сама буду каждую минуту думать: а где он, с кем он, что делает? Я так жить не хочу, мам.

– Правильно не хочешь.

– Но я его люблю. Глупо, да? Он меня предал, а я его люблю.

– Не глупо. Это нормально. Любовь не выключается по щелчку.

Света всхлипывает. Я слышу, как она пытается сдержать слезы, как дыхание сбивается.

– Мам, а как ты простила бы папу? Если бы он... ну, если бы?

Я замираю. Чашка с чаем застывает в руке. Вопрос дочери бьет точно в цель. Она всегда умела чувствовать то, о чем я молчу.

– Свет, с папой все хорошо, – говорю я, но голос звучит неубедительно даже для меня.

– Мам, не ври мне. Я не маленькая. Я видела, как ты на него смотрела в последний раз, когда мы приезжали. Как на чужого.

Я ставлю чашку на стол. Руки начинают дрожать.

– Света, давай не сейчас.

– Мам, я хочу, чтобы ты была честна со мной. Ты всегда учила меня честности.

Я закрываю глаза. Вдох. Выдох.

– Я не знаю, – говорю я наконец. – Я не знаю, простила бы я или нет. Потому что пока не знаю наверняка.

– Думаешь, у него кто-то есть?

– Думаю, что да. Но не уверена.

– А если узнаешь? Если окажется правда?

Я смотрю в окно. Солнце уже поднялось, лучи пробиваются сквозь облака, ложатся на стол золотистыми пятнами.

– Тогда буду решать, – отвечаю я.

– Мам, ты сильная. Ты справишься. Что бы ни случилось.

– И ты справишься, Света. Мы справимся.

Мы прощаемся, я кладу трубку. Чай остыл, я не допиваю. Сажу за столом, смотрю на солнечные блики, думаю о том, что моя дочь, у которой рушится брак, утешает меня. Это неправильно. Должно быть наоборот. Но в жизни часто все наоборот – дети учат родителей быть сильными.

Я встаю, убираю чашку в посудомойку. Поднимаюсь наверх, иду в спальню. Андрей еще не вернулся с пробежки, значит, у меня есть время. Подхожу к его тумбочке. Телефон лежит на зарядке, экраном вверх. Я смотрю на него, и сердце колотится так сильно, что, кажется, его слышно во всем доме.

«Не делай этого», – шепчет внутренний голос. – «Ты не имеешь права. Это личное пространство. Доверие. Если он узнает, что ты лазила в его телефон, он никогда тебе не простит».

«А он простил бы мне, если бы я узнала, что он мне изменяет?» – отвечаю я себе же.

Я беру телефон. Экран загорается, просит пароль. Андрей никогда не ставил пароль на телефон. Раньше. Я пробую дату нашей свадьбы. Не подходит. День рождения Светы. Не подходит. День рождения Кирилла. Не подходит. Я ставлю телефон обратно. Пароль сменили. Андрей, который двадцать лет говорил, что ему нечего скрывать, поставил пароль на телефон.

Сажусь на край кровати, смотрю на экран, который снова погас. В моей голове все становится на свои места. Командировки. Телефон экраном вниз. Пароль. Утренние пробежки в любую погоду. Резинка для волос в кармане.

Доказательств нет. Но я уже знаю.

Слышу, как открывается входная дверь. Андрей вернулся. Я быстро встаю, выхожу из спальни, спускаюсь на кухню. Наливаю ему кофе, ставлю на стол. Он заходит на кухню в спортивном костюме, покрасневшийся, с капельками пота на лбу.

– Привет, – говорит он. – Ты уже встала?

– Да, не спалось.

– Светка звонила? – он садится за стол, берет чашку.

– Да. У них с Денисом проблемы.

Андрей поднимает бровь.

– Какие проблемы?

– Он ей изменяет.

Андрей замирает. Чашка застывает в руке. Я смотрю на его лицо, на то, как меняется выражение глаз, удивление, потом что-то похожее на страх, потом быстрое, слишком быстрое спокойствие.

– Вот козел, – говорит он. – Светка-то как?

– Плохо. Но держится.

– Может, приехать к ней? Поддержать?

– Она сказала, не надо. Сама справится.

Андрей кивает, отпивает кофе. Я смотрю на него и вижу, как он старается не смотреть на меня. Отводит взгляд, разглядывает кружку, столешницу, свои руки.

– Ты как? – спрашивает он.

– Я?

– Ну, переживаешь за Светку.

– Конечно, переживаю. Это моя дочь.

– Я тоже переживаю, – Андрей ставит чашку. – Алл, послушай... Измена – это, конечно, ужасно. Но иногда люди ошибаются. Иногда это не значит, что они разлюбили.

Я смотрю на него в упор.

– Ты это серьезно? Сейчас, когда твоей дочери разбили сердце, ты говоришь, что измена – это просто ошибка?

Андрей отводит взгляд.

– Я не в том смысле. Я к тому, что не надо рубить с плеча. Может, они помирятся. Может, Денис осознал.

– Осознал, что его поймали, – говорю я резче, чем хотела. – Осознал, что удобная жизнь под угрозой. Если бы не узнала

Света, он бы и дальше ей изменял.

Андрей молчит. Его лицо становится каменным, непроницаемым.

– Ты чего так завелась? – спрашивает он тихо.

– Я завелась? – я чувствую, как внутри поднимается волна злости, которую я сдерживала слишком долго. – Моя дочь страдает, а ты говоришь мне, что измена – это ошибка? Ты вообще понимаешь, что это предательство? Что это разрушает семью? Что после этого уже никогда не будет как раньше?

– Алла, прекрати, – Андрей встает из-за стола. – Я не говорил, что это нормально. Я сказал, что люди ошибаются. И что возможно прощение.

– Прощение, – повторяю я, и это слово звучит как пощечина. – А ты простил бы меня, если бы я завела любовника?

Андрей смотрит на меня. В его глазах смесь страха и раздражения.

– Ты меня с кем-то путаешь? – говорит он. – Я тебе не изменял, чтобы ты меня прощала.

– Я и не говорю, что изменял, – я сдерживаюсь, делаю шаг назад. – Я просто спрашиваю: простил бы ты?

– Не знаю, – Андрей отворачивается, идет к выходу из кухни. – Я в душ. У меня сегодня важные переговоры.

Он выходит. Я остаюсь на кухне одна, смотрю на его недопитый кофе.

«Я тебе не изменял», – сказал он. Но не посмотрел мне в

глаза. И это хуже любого признания.

Глава 5

Я убираю чашку, мою посуду, вытираю стол. Действую механически, потому что, если остановлюсь начну думать. А если начну думать, сорвусь. Пойду к нему в душ, вытащу его из-под воды, заставлю сказать правду. Я не хочу правды. Я хочу, чтобы правды не существовало.

Поднимаюсь наверх, переодеваюсь. Остаться в этом доме, где каждый угол пропитан ложью, я не могу. Спускаюсь вниз, беру ключи. Андрей все еще в душе, вода шумит за закрытой дверью. Я пишу ему сообщение: «Я уехала по делам. Вернусь вечером».

Не дожидаясь ответа, выхожу из дома.

Машина заводится с пол-оборота. Я выезжаю со двора, поворачиваю на трассу. В голове пустота, которая пугает больше, чем боль. Боль – это хотя бы чувство. А пустота – это когда внутри ничего не осталось. Ни любви, ни ненависти, ни надежды. Еду и думаю о том, что сегодня я сделаю то, что должна была сделать раньше. Я найду доказательства. Не для того, чтобы предъявить Андрею. Для себя. Чтобы перестать сходить с ума от неизвестности.

Сворачиваю на парковку у торгового центра. Того самого, где вчера покупала продукты. Сегодня я здесь не за продуктами. Я захожу в салон связи, покупаю диктофон. Маленький, незаметный, с хорошей чувствительностью. Продавец –

молодой парень с бейджиком «Павел» упаковывает покупку, спрашивает:

– Для лекций?

– Для себя, – отвечаю я.

Выхожу из магазина, кладу диктофон в сумку. Чувствую себя шпионкой в собственном браке. Грязно, стыдно, но выбора нет. Я больше не могу гадать. Я хочу знать.

Сажусь в машину, завожу двигатель. Мысли возвращаются к Андрею, к его словам: «Люди ошибаются. Возможно прощение». Может, он прав? Может, я слишком жестока? Может, простить легче, чем разрушить больше двадцати лет жизни?

Я останавливаюсь на красный свет. Смотрю на пешеходов, переходящих дорогу. Молодая пара держится за руки, мужчина что-то говорит женщине, она смеется, запрокидывает голову. Они счастливы. Им не приходит в голову, что через двадцать лет они могут сидеть на разных концах стола и говорить о погоде, потому что говорить о главном страшно.

Загорается зеленый. Я нажимаю на газ. Я возвращаюсь домой около четырех часов дня. Андрея нет. На кухонном столе записка его рукой: «Уехал по делам. Вернусь поздно. Не жди». Три слова, которые я читаю каждый день, и каждый раз они режут по-новому. Раньше я думала: «Бедный муж, много работает». Теперь я думаю: «Куда ты на самом деле уехал?»

Кладу сумку на стул, достаю диктофон. Маленькая чер-

ная коробочка помещается на ладони, почти невесомая. Инструкция простая – нажать кнопку, и устройство начнет записывать все, что происходит вокруг. Четыре часа работы от одного заряда. Этого хватит.

Я поднимаюсь наверх, захожу в кабинет Андрея. Здесь все по-мужски строго. Темная мебель, компьютер с двумя мониторами, кожаное кресло. На столе органайзер с ручками, стопка бумаг, фотография нашей семьи, сделанная пять лет назад на море. Я смотрю на эту фотографию. Мы там улыбаемся, обнимаемся, дети смеются. Я тогда не знала, что через пять лет буду прятать диктофон в кабинете мужа.

Оглядываюсь, ищу место, где диктофон не заметят. Под столом? Нет, Андрей часто закидывает ногу на ногу, может задеть ногой. На полке за книгами? Хорошо, но запись будет глухой. На подоконнике за шторой? Тоже вариант. Я выбираю место на полке за книгами. Диктофон не видно, но звук проходит нормально.

Креплю устройство с помощью маленького магнита, который шел в комплекте. Включаю запись. Красный огонек мигает, потом гаснет. Диктофон работает в скрытом режиме. Я выдыхаю, выхожу из кабинета, закрываю дверь. Чувствую себя предательницей. Не перед Андреем – перед собой. Я не та женщина, которая ставит жучки в доме.

Спускаюсь на кухню, наливаю себе стакан воды. Пью маленькими глотками, смотрю в окно. За стеклом медленно темнеет, облака затягивают небо. По прогнозу дождь к ночи.

Телефон звонит. Ольга.

– Привет, подруга. Как ты?

– Жива, – отвечаю я.

– Только жива? Это уже прогресс. Я звонила узнать, что с тобой. Ты вчера пропала.

– Оль, я купила диктофон.

Молчание. Ольга молчит так долго, что я смотрю на экран не оборвалась ли связь.

– Зачем? – спрашивает она наконец.

– Хочу записать разговоры Андрея. Понять, с кем он говорит, когда меня нет.

– Алла, это уже паранойя.

– Это не паранойя, – говорю я, и голос мой звучит тверже, чем я чувствую. – Он поставил пароль на телефон. Он уходит на пробежки в любую погоду. Он смотрит на меня как на чужую. Я должна знать.

– А если узнаешь? Если подтвердится, что у него кто-то есть? Что тогда?

Я делаю глоток воды.

– Тогда буду решать.

– Ты это уже говорила. Конкретнее.

– Оль, я не знаю конкретно. Я не могу сейчас думать о том, что будет завтра. Я просто хочу перестать сходить с ума от неизвестности.

– Ладно, – Ольга вздыхает. – Ты сильная, Алл. Ты справишься. Но диктофон – это опасно. Если Андрей узнает, он

тебя никогда не простит.

– А я его прощу, если узнаю правду? – я усмехаюсь. – Мы обе знаем ответ.

– Не знаю. Ты умеешь прощать.

– Я умела. До сегодняшнего дня.

Мы прощаемся. Я кладу телефон, смотрю на потолок. В доме тихо, только холодильник гудит где-то на кухне. Этот гул раздражает – ровный, монотонный, как пульс больного.

Я поднимаюсь в спальню, ложусь на кровать, смотрю в потолок. Мысли путаются, перебивают друг друга. Андрей. Света. Денис. Диктофон в кабинете. Резинка для волос. Пароль на телефоне.

Закрываю глаза, пытаюсь уснуть, но сон не идет. В голове прокручиваются сцены из нашей жизни. Первое свидание – он пришел с букетом красных роз, я уложила волосы на одну сторону, накрасила губы яркой помадой. Он сказал: «Вы прекрасны». Я ответила: «Вы мне льстите». Он улыбнулся: «Я никогда не лгу».

Теперь я знаю, что это неправда. Он лжет. Каждый день. Каждую минуту.

Я открываю глаза, сажусь на кровати. Больше не могу лежать. Встаю, иду на кухню, включаю чайник. Достаю чашку, пакетик с ромашкой от нервов. Завариваю чай, сажусь за стол.

Телефон вибрирует. Сообщение от Андрея: «Задержусь. Не жди ужина».

Я смотрю на экран. Пишу: «Хорошо».

Кладу телефон, отодвигаю чашку. Чай остывает, я не пью. Встаю, иду в гостиную, включаю телевизор. На экране какая-то комедия, люди смеются, играют в счастье. Я выключаю звук, оставляю только картинку. Танцующие пары, солнечный пляж, голубые волны. Все такое яркое, такое ненастоящее.

Сажусь на диван, поджимаю ноги под себя. Смотрю на немую картинку и думаю о том, что моя жизнь превратилась в немое кино. Я вижу движения, но не слышу слов. Или слышу, но они ничего не значат.

Время тянется медленно. Каждая минута кажется часом. Я проверяю телефон – Андрей не пишет. Я проверяю диктофон мысленно, потому что бояться подняться в кабинет и проверить его физически, вдруг Андрей вернулся раньше и нашел.

В десять вечера я слышу звук открывающейся двери. Сердце ухает вниз, потом подскакивает к горлу. Я выключаю телевизор, сижу на диване, смотрю в сторону прихожей. Андрей заходит в гостиную. Усталый, с опущенными плечами, с темными кругами под глазами.

– Ты не спишь? – спрашивает он.

– Ждала тебя.

– Я же сказал, не жди.

– Все равно ждала.

Он садится в кресло напротив, смотрит на меня. В его

взгляде усталость и что-то еще. То, что я не могу прочитать.

– Тяжелый день, – говорит он.

– Расскажешь? – спрашиваю его.

– Не о чем рассказывать. Работа, бумаги, переговоры.

– С кем переговоры?

Андрей смотрит на меня. В его глазах мелькает подозрение.

– С клиентами. Ты не знаешь их.

– Может, знаю. Назови имя.

– Алла, – в его голосе появляется раздражение. – Что за допрос? Я устал, хочу принять душ и лечь спать.

Он встает, направляется к выходу из гостиной.

– Андрей, – окликаю я.

Он останавливается, не оборачивается.

– Что?

– Ты меня любишь?

Молчание. Долгое, тягучее, как патока. Андрей стоит ко мне спиной, его плечи напряжены.

– Люблю, – говорит он наконец. – Ты же знаешь.

– Я ничего не знаю, – отвечаю я.

Он оборачивается. Смотрит на меня странным взглядом – смесь вины, усталости и еще чего-то, что я принимаю за жалость.

– Алл, у тебя стресс. Светка, ее проблемы. Ты накручиваешь себя.

– Накручиваю?

– Да. Все нормально. Мы нормально живем.

Я смотрю на него и понимаю: он прав. Мы нормально живем. Нормально, значит, без скандалов. Нормально, значит, не бьем посуду. Нормально, значит, спим в одной кровати, но не касаемся друг друга. Нормально, значит, медленно умираем, но соблюдаем приличия.

– Иди в душ, – говорю я. – Ты прав, я накручиваю.

Андрей кивает, выходит. Я слышу, как он поднимается по лестнице, как открывается дверь в спальню, как шумит вода. Сажусь на диване, смотрю на пустой экран телевизора. В голове стучит одна мысль: диктофон. Он там, в кабинете, записывает тишину.

Я поднимаюсь наверх, прохожу мимо спальни, где Андрей в душе. Открываю дверь кабинета, замираю. В комнате темно, только свет из коридора падает на пол. Я подхожу к полке за книгами, нащупываю диктофон. Отключаю запись. Выхожу из кабинета, закрываю дверь. Спускаюсь вниз, сажусь на кухне. Достаю наушники, подключаю к диктофону, нажимаю воспроизведение.

Тишина. Потом шаги. Мои. Я выключаю, перематываю вперед. Снова тишина. Потом звук открывающейся двери. Андрей вернулся. Я слышу его шаги, тяжелые, усталые. Он проходит в кабинет? Нет, шаги удаляются, он пошел в спальню. Я слушаю дальше. Тишина. Потом голос Андрея. Говорит по телефону.

– Я дома. Да, уже. Нет, не спрашивала. Кажется, она что-

то подозревает.

Я замираю, сердце перестает биться на секунду, потом начинается колотиться с бешеной силой.

Голос Андрея продолжает:

– Завтра приеду. Обязательно. Я тебе обещал. Да, я помню про анализы. Все будет хорошо, ты только не переживай.

Пауза. Он слушает собеседницу.

– Я тоже скучаю. Очень. Спи, я завтра утром заеду.

Клик, он положил трубку.

Я сижу, не двигаясь. Наушники выпадают из ушей, диктофон скользит по столу. Я смотрю на него, на эту маленькую черную коробочку, которая только что разрушила все, во что я пыталась верить.

«Я тебе обещал». «Я тоже скучаю». «Завтра утром заеду».

Андрей говорит это не мне. Не Свете. Не матери, которая умерла пять лет назад. Другой женщине. Я встаю, подхожу к раковине. Меня тошнит, но тошнота не физическая, это душа выворачивается наизнанку. Я открываю кран, брызгаю холодной водой в лицо. Смотрю на себя в зеркало над раковиной. Волосы растрепались, глаза красные, на щеках слезы, которых я не заметила. В зеркале на меня смотрит чужая женщина. Обманутая жена. Женщина, которую предали.

Глава 6

Я вытираю лицо полотенцем, глубоко дыша. Спокойно. Нужно сохранять спокойствие. Я включаю диктофон снова, перематываю на начало разговора. Слушаю еще раз. И еще. Голос Андрея звучит мягко, нежно. Так он говорил со мной в первые годы брака. Теперь этот голос принадлежит не мне. Записываю на телефон дату, время, ключевые фразы. Собираю доказательства, как улики. В голове прокручиваются варианты – устроить скандал, выставить его вещи на крыльцо, позвонить той женщине и сказать, что он женат.

Но я не делаю ничего. Сажусь на кухне, сжимаю в руке диктофон, и чувствую, как внутри меня что-то ломается. Не сердце, сердце болит уже давно. Ломается иллюзия. Та самая, на которой я держалась двадцать пять лет.

Андрей спускается вниз, в пижаме, с мокрыми волосами.
– Ты чего не спишь? – спрашивает он, заходя на кухню.

Я смотрю на него. Вижу его лицо знакомое, родное, любимое. Но теперь я вижу и другое – лицо человека, который врет мне каждый день.

– Уснуť не могу, – говорю я.

– Голова болит? Дать таблетку?

Он заботливый. Всегда заботливый, когда возвращается поздно. Раньше я думала, это от усталости. Теперь я понимаю, это от чувства вины.

– Не надо, – отвечаю я. – Иди, я скоро приду.

Он кивает, подходит ко мне, целует в макушку. Я не отстраняюсь, не отворачиваюсь. Позволяю поцеловать себя, чувствую его губы на своих волосах.

– Спокойной ночи, – говорит он.

– Спокойной ночи.

Он уходит. Я слышу, как поднимается по лестнице, как скрипит кровать наверху. Я сижу на кухне одна, смотрю на диктофон. Думаю о том, что завтра Андрей поедет к ней. «Завтра утром заеду», – сказал он. Заедет. К женщине, по которой скучает. К той, которая носит резинки для волос. Я могла бы проследить за ним. Узнать, где она живет. Увидеть ее лицо.

Но я не хочу. Не сейчас. Сейчас я хочу только одного – не сойти с ума.

Убираю диктофон в сумку. Встаю, мою чашку, вытираю стол. Поднимаюсь наверх, ложусь рядом с Андреем. Он уже спит, дыхание ровное, глубокое. Я лежу на спине, смотрю в потолок, и слезы текут по щекам беззвучно, потому что плакать в голос значит признать, что все кончено, а я еще не готова признавать.

Засыпаю под утро, когда за окном начинает светать. Мне снятся розы красные, свежие, с каплями росы на лепестках. Я держу их в руках, но шипы впиваются в ладони, идет кровь. Я пытаюсь бросить цветы, но не могу. Руки не разжимаются. Просыпаюсь от звука будильника. Андрея рядом

нет, он уже встал. Я смотрю на часы: половина седьмого. Он ушел на пробежку? Или к ней?

Я встаю, подхожу к окну. Машина Андрея стоит на месте. Значит, он побегал. Я выдыхаю непонятно, с облегчением или с разочарованием. Спускаюсь на кухню, завариваю кофе. Пью, смотрю в окно. Солнце встает, золотит деревья. Новый день начинается, а я не знаю, как его прожить. Через час возвращается Андрей. Красный, потный, с бутылкой воды в руке.

– Привет, – говорит он. – Ты рано.

– Не спалось.

– Опять?

– Опять.

Он пьет воду, вытирает лицо полотенцем.

– Я сегодня поеду на объект. Вернусь к вечеру.

– Какой объект?

– Загородный. Клиент просил лично присутствовать на замерах.

Я смотрю на него. Вру. Все вру. От первого до последнего слова.

– Хорошо, – говорю я. – Будь осторожен.

Он кивает, уходит в душ. Я сижу на кухне, сжимаю кружку так, что костяшки белеют. Через полчаса Андрей выходит из дома. Я смотрю в окно, как он садится в машину, заводит двигатель, выезжает со двора. Я жду пять минут. Потом беру ключи, сумку, диктофон. Выхожу из дома, сажусь в свою ма-

шину. Еду за ним на расстоянии. Держусь сзади, пропускаю между нами две-три машины, чтобы он не заметил в зеркалах мой серебристый седан. Андрей сворачивает на трассу, ведущую в область. Я следую за ним, чувствуя, как внутри нарастает липкий страх.

За окном проплывают березовые рощи, дачные поселки, рекламные щиты с улыбающимися семьями. Я смотрю на эти щиты и думаю: кто сейчас улыбается? Точно не я. Навигатор показывает, что мы отехали от дома на тридцать километров. Андрей едет в сторону небольшого городка, где у нас никогда не было клиентов. Он сворачивает на узкую асфальтированную дорогу, ведущую к коттеджному поселку. Я пропускаю вперед две машины, сворачиваю следом. Поселок выглядит новым. Аккуратные домики в европейском стиле, ухоженные газоны, детские площадки.

Андрей паркуется у одного из домов белого, с голубой крышей и палисадником перед входом. Я останавливаюсь метрах в пятидесяти, за поворотом, чтобы он меня не увидел. Сердце колотится так сильно, что я чувствую пульс в висках. Муж выходит из машины. Оглядывается по сторонам. На секунду мне кажется, что он смотрит прямо на меня, но нет, взгляд скользит дальше. Он открывает калитку, заходит в палисадник. Не стучится, просто открывает дверь ключом.

У него есть ключи от чужого дома.

Я сижу в машине, сжимаю руль, смотрю на белую дверь,

которая закрылась за ним. В голове пустота. Ни мыслей, ни чувств. Только этот дурацкий вопрос: «Почему?» – крутится на повторе, как заевшая пластинка.

Достаю телефон, смотрю на часы. Девять утра. Андрей сказал, что едет на объект. Объект оказался чужим домом, где живет чужая женщина, по которой он скучает.

Я решаю ждать. Не уеду, пока не увижу ее. Тупое, мазохистское желание посмотреть в лицо той, кто разрушила мою семью. Но я не могу уехать. Ноги не нажимают на педаль, руки не поворачивают ключ зажигания.

Проходит час. Я сижу в машине, смотрю на дом. Из трубы идет дым, печка топится, хотя март на дворе и не так холодно. В окне первого этажа мелькает тень, женский силуэт, длинные волосы. Не разглядеть цвет, не разглядеть лицо.

Второй час. Я начинаю замерзать, включаю печку. Смотрю на дом, как замороженная. Из головы не выходит картина: Андрей сейчас там, внутри. Пьет чай с чужой женщиной. Или не чай. Или не с чужой. Своей. Новой. Молодой.

В третьем часу дверь открывается. Андрей выходит на крыльцо, за ним – женщина. Молодая, лет двадцати пяти, с русыми волосами, собранными в небрежный пучок. На ней домашний халат, на ногах – пушистые тапки. Андрей обнимает ее, целует в лоб, что-то говорит. Она улыбается, кивает, поправляет воротник его куртки.

Я смотрю на эту сцену и не верю своим глазам. Мой муж, отец моих детей, целует чужую женщину на пороге чужого

дома. А она улыбается ему, как будто он центр ее вселенной. Андрей садится в машину, уезжает. Женщина стоит на крыльце, смотрит ему вслед. Я вижу ее лицо. Обычное, ничем не примечательное. Не роковая красавица, не модель с обложки. Обычная девушка. Молодая. Вот и все отличие от меня. Она молодая.

Женщина уходит в дом, закрывает дверь.

Я сижу в машине, не могу пошевелиться. Руки дрожат, по щекам текут слезы. Я даже не заметила, когда начала плакать. В зеркале заднего вида отражается мое лицо – красное, опухшее, с размазанной тушью.

«Мне за сорок, – думаю я. – Каштановые волосы, ухоженные руки, хорошая фигура. Но я не молодая. Этого достаточно, чтобы муж ушел к другой».

Я достаю телефон, набираю номер Ольги.

– Аллочка, привет, – голос у подруги бодрый, она явно не ждала звонка так рано.

– Оль, – мой голос ломается. – Я проследила за ним.

Тишина. Потом Ольга выдыхает:

– И что?

– Он приехал к ней. В коттеджный поселок. Я видела их вместе.

– Ты уверена? Может, это клиентка?

– Он обнимал ее на крыльце. Целовал в лоб. У него есть ключи от ее дома.

Ольга молчит. Я слышу, как она зажигает сигарету – шел-

чок зажигалки, глубокий вдох. Дурацкая привычка подруги сейчас не вызывает привычного возмущения. Мои мысли заняты воспоминанием поцелуя на крыльце.

– Алла, – говорит она наконец. – Ты сейчас где?

– В машине. Стою недалеко от ее дома.

– Уезжай оттуда. Немедленно. Не сиди там, не мучай себя.

– Я не могу ехать. У меня ноги не двигаются.

– Алла, послушай меня. Ты сильная женщина. Ты справишься. Но сейчас тебе нужно уехать. Домой. Ко мне. Куда угодно, только не сидеть под окнами этой девицы.

Я закрываю глаза. Ольга права. Сидеть здесь, смотреть на дом, где живет любовница мужа – это саморазрушение.

– Ладно, – говорю я. – Я еду.

– Ко мне приезжай. Я буду дома. Поговорим.

– Хорошо.

Я кладу трубку, вытираю лицо. Завожу двигатель, разворачиваюсь. Еду к Ольге, стараясь не смотреть в зеркало заднего вида, где белый дом с голубой крышей становится все меньше, а потом исчезает за поворотом.

Глава 7

Дорога до Ольги занимает двадцать минут. Она живет в панельной пятиэтажке на окраине города. Я паркуюсь, поднимаюсь на третий этаж, звоню в дверь. Ольга открывает почти сразу, будто стояла у двери и ждала.

– Проходи, – она отступает в сторону. – Раздевайся, я чай поставила.

Я захожу в прихожую, снимаю пальто. Ольга ведет меня на кухню, сажает за стол. Передо мной появляется кружка с горячим чаем и печенье в вазочке.

– Рассказывай, – говорит Ольга, садясь напротив.

Я рассказываю. Все. Про диктофон, про запись, про сегодняшнее утро. Как ехала за Андреем, как увидела их на крыльце, как он целовал ее в лоб. Ольга слушает молча, не перебивает.

– Ты ее лицо запомнила? – спрашивает она, когда я заканчиваю.

– Да. Обычное. Ничего особенного, – горько произношу я.

– Молодая? – шурится подруга.

– Лет двадцать пять.

– А фигура?

– Не разглядела. В халате была.

Ольга стучит кончиками пальцев по столешнице и задумчиво смотрит в окно.

– Алл, что ты собираешься делать? – после паузы спрашивает она.

Я смотрю в кружку, на коричневую поверхность чая.

– Не знаю.

– Расскажешь Андрею? Устроишь скандал?

– Не знаю, Оль.

– Ты имеешь право злиться. Имеешь право выгнать его. Имеешь право забрать все, что вам принадлежит.

– Я знаю, – поднимаю глаза. – Но я не могу сейчас принимать решения. У меня голова не работает.

Ольга кивает, берет чашку и делает глоток остывшего чая.

– Тогда не принимай. Поживи у меня пару дней. Отдохни. Приведешь мысли в порядок.

– Не могу, – качаю головой. – Дом. Андрей будет искать.

– Пусть ищет. Может, поймет, что теряет.

– Оль, он уже потерял. Просто еще не знает об этом.

Ольга смотрит на меня с сочувствием, берет за руку.

– Алла, я всегда рядом. Что бы ты ни решила, я поддержу.

Я сжимаю ее ладонь. Теплая, сухая рука подруги единственное, что держит меня на плаву.

– Спасибо, – говорю я.

Мы сидим на кухне, пьем чай, молчим. В голове пустота, в душе боль. Через час я собираюсь домой. Ольга не отпускает, но я настаиваю. Не хочу прятаться. Не хочу бегать. Я войду в свой дом, посмотрю в глаза мужу, который меня предал, и не подам виду, что знаю правду.

Пока не буду готова.

Выхожу от Ольги, спускаюсь по лестнице. На улице моросит дождь мелкий, противный, как мое настроение. Сажусь в машину, еду домой. По пути заезжаю в супермаркет. Покупаю продукты – мясо, овощи, вино. Буду готовить ужин. Буду улыбаться. Буду делать вид, что ничего не случилось. Игра, в которую я не умею играть, но придется научиться.

Дома тихо. Андрей еще не вернулся. Я прохожу на кухню, раскладываю продукты. Достая нож, разделочную доску, начинаю резать лук. Слезы текут от лука или от боли, я не разбираю. Звонок в дверь. Я вытираю руки, иду открывать. На пороге стоит Андрей. Мокрый, уставший, с каплями дождя на лице.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.